

Из воспоминаний родных Лаврушенко Анны Михайловны

А. М. Лаврушенко

Иртыш... Места привольные, красивые... Заливные луга с высоким разнотравьем, рыбная река да щедрая земля - всё это привлекало людей селиться на его берегах. Издавна здесь занимались земледелием, животноводством, рыбной ловлей. Кто трудился с умом, у того был достаток в доме. И таких зажиточных много было по Иртышу.

Одной из таких зажиточных крестьянских семей была семья Кокотчиковых. Проживала она в д. Бызовка Большереченского района Омской области, где 25 июня 1908 года роди-

лась моя прабабушка Нюра. Семья была большой: родители и 5 детей - Таисья, Михаил, Нюра, Анна и Василий. С ними жила ещё мать отца или «бабынька», как её называли. Жили справно, потому что были они великими тружениками. Во дворе всё было: коровы, лошади, свиньи, овцы, куры, гуси. Сельхозинвентарь хранился не на улице, а в специальных хозяйственных постройках. Был большой амбар для хранения собранного урожая. Всё это было ухожено, сделано по-хозяйски.

«Объем хозяйства до революции: дом, амбаров 2, баня, лошадей 3, коров 10, овец и свиней 1, машинная сенокосилка. После революции: дом, амбаров 2, баня, лошадей 4, коров 12, овец 7, свиней 1.

Наемной рабочей силы нет, торговлей не занимался. Из членов семьи избирательных прав никто не лишался».

Из архивной справки

«Кто рано встаёт, тому бог подаёт» - это про них. Уже в 5 часов утра подводы со взрослыми выезжали со двора, но к этому времени бабынька уже выпекала хлебушек - это было её обязанностью, как и присматривать за малыми внучатами, пока их родители работают. А те возвращались с полей затемно, наломавшись на тяжёлой крестьянской работе. И так с ранней весны и до поздней осени. Даже Гражданская война, затронувшая и их деревню (здесь бесчинствовали колчаковцы: от них, пьяных, мать прятала рослую Нюру под перевёрнутую дубовую колоду, из которой кормили свиней), не нарушила этот извечный крестьянский распорядок. Хотя праздники тоже были: обязательно отмечали Покров день (урожай в закромах, можно и повеселиться).

Шло время, дети подрастали. Тася вышла замуж за участника гражданской войны Ивана Соломенникова и переехала к нему в соседнее село Ботвино. А Нюра вышла замуж за своего односельчанина Александра Александровича Копейкина и перебралась к его родителям. Но недолго пожилоь вместе молодым: однажды приехали из «органов» за Сан Санычем и увезли. Все попытки узнать о его судьбе натолкнулись на зловещую фразу: «Больше не расспрашивайте, иначе хуже будет». Так стала Нюра «соломенной» вдовой и вернулась к своим родителям. Благо, места здесь всем хватало: дом был большой, двухэтажный. Брат Михаил с женой, Нюра, подросшие Анна и Василий были хорошими помощниками своим родителям. Но ещё Анна Михайловна вспоминала, что всю крестьянскую пору, когда бы они ни возвращались домой, проезжая мимо одной захудалой развалюхи, видели её хозяйина, прислонившегося к завалившемуся тыну и наигрывающего на гармошке (на вечерках ему давали за игру продукты, тем и кор-

мился). Его прозвали в деревне Голодранцем. Но пришли 30-е годы, и Голодранец был выбран бедной председателем сельского совета.

А в апреле 1931-го года началось массовое раскулачивание в Большереченском районе. И Голодранец пришёл раскулачивать семейство Кокотчиковых. Они в это время лопатили зерно в амбаре. Их так оттуда и не выпустили, пока не подогнали подводы. То же самое происходило в каждом дворе хозяев-единоличников.

Вспоминает старшая дочь Раиса Никитична Нейман (со слов мамы):

«...Слух о высылке семей единоличников разнёсся накануне. Бабынька (её, как престарелую, не высылали) с вечера завела квашню и ночью напекла хлеба на дорогу, и велела одеть на себя побольше одежды. Но когда пришли утром их выселять, то хлеб не разрешили взять. Но умница - бабынька как-то сумела запихнуть в повозку под сено маленький невод, который впоследствии спас их и многих односельчан от голодной смерти. А когда вывели их семью на улицу, с Михаила Петровича (отца мамы) один конвоир снял шубу-тулуп со словами: «Ты поносил, теперь я буду носить».

...Привезли их из Прииртышья на Васюган, высадили на берег, и баржа ушла. Река, стена леса и они: мужики, женщины, дети - и всё...

...Мама рассказывала, много очень людей умерло с голоду. Вот тут и выручил невод: ловили рыбу, сушили в печках (печки лепили из глины прямо на берегу). Солить нечем, соли вообще не было. Когда рыба высыхала, её ели так, варили из неё варево, даже хлеб пекли: толкли вперемешку с травой и выпекали.

...Стали рыть землянки, корчевать лес. Утром уходили на корчёвку, день работали, а на возвращение уже не было сил. Некоторые по пути домой отставали, часто садились отдыхать, говоря: «Идите, я потихоньку дойду», - и остальные знали, что они уже

больше не поднимутся. Утром следующего дня, идя на работу, их видели уже мёртвыми.

...Построили деревеньку, назвали её Краснояркой - в честь омской малой родины, откуда было больше всего сосланных. Создали колхоз «Заря». Но по-прежнему жили впроголодь, пообносились. На трудодни давали так мало, что поесть не хватало сытно, не то чтобы обменять на одежду.

В те годы колхозники, отработав с весны до поздней осени страдную пору, должны были ещё помогать в зимнее время лесоучасткам в заготовке леса. За это им платили там заработную плату, на которую хоть что-то можно было купить. Поэтому многие стремились в лесозаготовительные бригады, но не всех желающих отпускали: в колхозе и зимой хватало работы. Моя мама тоже просилась на сезонные работы в лесу, но ей отказывали.

В колхозе в то время уже была скотина. Но так как вокруг Красноярки не было ни заливных лугов, ни пастбищ, то её приходилось пасти в лесу. И не дай Бог, корова или телёнок потеряется или покалечится, споткнувшись о валёжину, наткнувшись на острый сучок, - это считалось вредительством, и пастуху грозила статья. Поэтому желающих пасти скот не было. И когда маме предложили эту работу, она тоже отказывалась, и согласилась только при условии, что будет заключён договор: если она всё лето пропасёт скот, то её отпустят на зиму на лесозаготовки. Как же трудно ей пришлось: животные разбредались, а ко времени вечерней дойки нужно было всех их выгнать из леса, найти в сгущающихся сумерках отставших и, срывая голос до хрипоты, звать и искать какую-нибудь бурёнку, не желавшую идти и уже лёгшую где-нибудь под кустом на ночной отдых. Но маме удалось сохранить всё стадо, и зимой 1939-го года её отпустили на валку леса в Нюрольку.

Там она встретила Лаврушенко Никиту Лазаревича - вдовца с тремя детьми (Ване на то время было 16 лет, Вере - 14 и Андрею - 12). Они были высланы из Алтайского края Славгородского района.

Из архивных документов ИЦ при УВД Томской области (личная карточка выселенца) следует, что «житель с. Славгородское Славгородского района - Лаврушенко Никита Лазаревич (так в документе), 1902 г.р., уроженец Украины, по национальности украинец, социальное положение - крестьянин кулак, лишен избирательных прав; род занятий хлебопашество, в старой и белой армиях не служил; членов семьи, служащих в Красной армии, нет; подвергался адм. взысканиям «...кратно продан в 1929 году. К моменту выселения членом колхоза не был и в госпредприятиях (совхозах и прочих предприятиях) не работал. Политхарактеристика: «...эксплуататор кулак закабалял молотилкой бедноту брал не посильную плату с населения». Состав семьи на момент выселения: жена Агрефина (так в документе) Игнатъевна 1902 г.р., Иван 1922 г.р., Вера 1924 г.р., Андрей 1926 г.р., Михаил 1928 г.р., Лаврушенко Лазарь Иванович 60 лет, мать Агрипина Дмитриевна 60 лет.

Семья была выслана 18 мая 1931 года в Каргасокский район Томской области. Согласно сообщению с/артели Эконом пос. Н-Уральск Нюрольской поселковой комендатуры № 9-27 от 27 сентября 1937 года, «...Лаврушенко Никита Л. состоит членом артели с 1933 года. За период его состояния в арт. отношение к артельной работе никуда негодное. И вообще человек непривычный работать за тр. дни все стремится работать за чистую монету. С 1-го января по 11 апреля заработал 12 тр. дн. в среднем 34 т/д в месяц. После исключения с артели работал на заготовке дров к.п.ч. работал совершенно по другому - за 20 дней заработали по 260 руб. Это говорит зато что работал не за тр.дни. Семья состоит из 4-х человек кроме него 3 - детей от 8 до 14 лет». (Стиль и орфография в документе сохранены подлинными).

А ведь к этому времени он похоронил мать, отца, жену, младшего сына!

В 1939-ом году они поженились, и маму, так как она вышла замуж «на сторону», из колхоза отпустили. Они срубили в Нюрольке избушку (до этого папа с детьми жил в бараке) и стали жить. В июне 1940-го года родилась я.

...Помню: меня прижимает к себе паренёк, одетый в пальто, а в моих руках крепко зажат калачик. Став старше и вспомнив как-то этот эпизод, я рассказала его маме. Она заплакала: «Это мы Ваню на фронт провожали». А было это 5 октября 1942-го года, и мне тогда было всего-то 3 года 3 месяца...

**Извещение о без вести пропавшем
И. Н. Лаврушенко**

библиотеке прочитала книгу, точно помню, партизанского командира (на фотографии в книге он был с бородой, возможно, это был П. Вершигора или С. Ковпак), где в конце повести упоминается среди прочих имён и Лаврушенко Иван Никитич. А вот название книги забылось).

...Ваню мы больше не увидели. Только в 1949-ом году пришло извещение, что «солдат Лаврушенко Иван Никитович, находясь на фронте, пропал без вести в июле 1943-го года».

(Когда в 1957-м году, закончив курсы радистов, я приехала работать в п. Мыльджино, то в местной

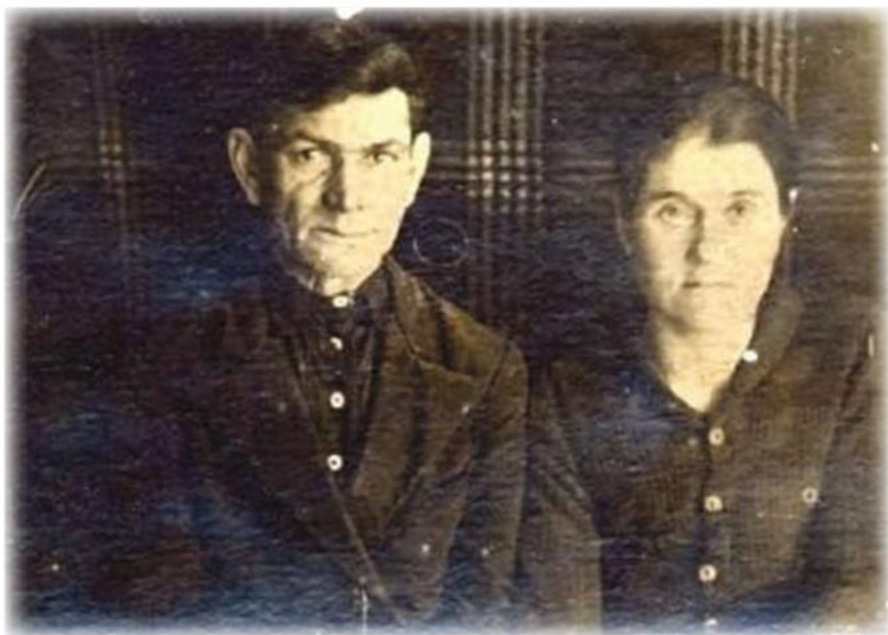

...Когда в 1943-м году закрылся лесоучасток Центральный (точка Нюрольского леспромхоза) и люди стали выезжать оттуда, родители разобрали свой домишко, сделали из него плот и сплавились на нём по Васюгану до д. Вишнёвка, что в 7 км от Каргаска. Здесь его снова сложили. Неказистый, крыша без стропил - таким был их первый дом...

...В августе 1947-го года умирает папа. Он болел ещё с довоенных лет. В 1932-м году его в числе других плотников (а жил он тогда в Ново-Уралке) отправили в п. Васюган на строительство школы. Он упал с лесов и повредил себе что-то внутри. Вот с тех пор он и хворал.

(В Информационном Центре г. Томска в личном деле Лаврушенко А. М. хранится письменное прошение мамы с просьбой разрешить мужу выехать из Нюрольки в Каргасок в больницу для лечения. На прошении резолюция: «Отказать»).

***Никита Лазаревич и Анна Михайловна Лаврушенко
(снимок 40-х г.г.)***

На руках у мамы осталось четверо детей: мне 7 лет, Мише - 6, а родившимся уже на Вишнёвке Любе и Наде соответственно - 3 года и 11 месяцев. Старшие, сестра Вера и брат Андрей, уже работали в подсобном хозяйстве леспромхоза на Усть-Старице.

...На Вишнёвке мы жили плохо. После смерти папы нам платили 107 рублей пенсии по потере кормильца. Было голодно. С ранней весны и до поздней осени мы жили на подножном корме. Весной рылись в оттаявшей земле на колхозных полях, искали перезимовавшую картошку, тёрли её на тёрке и пекли драники, выкладывая лепёшки прямо на горячую плиту, ели крапиву, пестики хвоща, кислицу, колбу. Летом выручали мартыны – речные чайки, ловили их и варили в большом чугуне, а ещё собирали и

заготавливали в больших количествах грибы, ягоды. Хорошо выручал кедровый орех. У нас были одни большие сапоги, чтобы всем подходили, а в основном мы ходили босиком.

...Наш огород в 15 соток мы вскапывали лопатой. Но мир не без добрых людей: иногда, когда пахали колхозные поля, могли и нам поздно вечером или ночью вспахать.

...А ещё была у нас хорошая корова-ведёрница, но в то время с каждой животины нужно было сдать 40 кг мяса и 13 кг топлёного масла. Для этого мама относила немного молока на молококанку, там определяли его жирность, после чего называли то количество, которое необходимо приносить ежедневно для сдачи. Сначала мама каждый день утром уносила по ведру молока. А потом она договорилась с соседями по фамилии Буряк, которые тоже сдавали по ведру молока, и теперь через день они, чередуясь, брали на коромысло два ведра и несли их за три километра на молококанку. Там его пропускали через сепаратор и получали сливки. Оставшийся после пропуска обрат (обезжиренное молоко) они приносили домой. С ведра молока высокой жирности выходило 2 кг сливок, с 3-4 кг сливок - 1 кг сливочного масла, перетопив которое можно было получить чуть более 0,5 кг топлёного. После расчёта с государством по маслу, всё равно сытно не жили: теперь мама копила его, чтобы рассчитаться с налогами. А как единоличники (в колхоз наша семья так и не вступила, хотя каждое лето там подрабатывали), мы должны были платить большие налоги: 800-900 рублей в год.

...В январе 1949-м году мама написала заявление с просьбой: разрешить выехать на Алтай к родственникам умершего мужа, которые помогли бы поставить на ноги её малолетних детей. Ответ был прежний: «Отказать».

...А в ноябре 1949 года нас открепили от комендатуры. Это была радость со слезами на глазах: свобода, которой нельзя было воспользоваться.

Так и прожила она здесь всю оставшуюся жизнь. Поставила на ноги детей, дала им образование. И очень редко вспоминала о прошлом. Но если заходил разговор, то всегда со слезами она вспоминала своего отца («папеньку», так она его называла), о судьбе которого семья ничего не знала с 1936 г., когда он бежал обратно, в Омскую область. И только в 2006-м году стала известна его судьба.

Кокотчиков Михаил Петрович, 1875 г.р. Место рождения: Омская губ., Большереченская вол., Тарский уезд, с. Бызовка; русский; образование: малограмотный; член колхоза «Гудок»; место проживания: Омская обл., Ежовский р-н, д. Ботвино

Арест: 21.02.1936

Осужд. 12.03.1938 тройка при УНКВД по Омской обл.. Обв. по ст. 58-10-11 УК РСФСР

Расстр. 21.03.1938. Место расстрела: Тара

Реаб. 29.04.1989 прокуратурой Омской обл., основание: на основании Указа ПВС СССР.

Источник: Книга памяти Омской обл.

...Анна Михайловна Лаврушенко (ур. Кокотчикова) умерла 30 апреля 1995г. и похоронена в п. Бондарка Каргасокского района, рядом с могилой своего мужа Никиты Лазаревича.

**Записали правнучка Фёдорова Марина, 2000г.,
дочь Нейман Раиса Никитична, 2005г.**